

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)52+83

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. С. Ж. Макашева
г. Тюмень, Россия

© 2019 г. Е. Б. Еренчинова
г. Тюмень, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПРОСТОРЕЧИЯ «СЛЫШЬ» СКАЗКИ П. П. ЕРШОВА «КОНЕК-ГОРБУНОК» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: Работа посвящена переводу на немецкий язык единицы живого русского языка — просторечия на материале смыслового значения и проблемы перевода просторечия «слышь» в сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок». В статье изучаются разнообразные подходы исследователей к осмыслению просторечия как общенационального феномена живого русского языка, а также прослежена историческая динамика становления просторечия от совокупности форм устной речи до стилистической категории литературного языка. В данном контексте рассматривается особая роль просторечия в становлении художественно-стилевых приемов романтизма и реализма русской литературы XIX в. Просторечие в качестве социально-обусловленной разновидности национального языка позволило реализму создавать разнообразные типы народных характеров. Не менее важной была роль просторечия в развитии поэтики русской литературной сказки — одного из ведущих жанров романтизма, ориентированного на фольклор как базисную основу национальной культуры. Просторечия способствуют не только созданию характеров героев, ассоциирующихся с фольклором, но и передают тончайшие смысловые и выразительные нюансы русского языка. Это обстоятельство становится очевидным при изучении способов перевода просторечия «слышь» в сказке «Конек-Горбунок» на немецкий язык. В работе анализируются семантический, экспрессивно-оценочный и изобразительно-выразительный уровни просторечия «слышь» в сказке «Конек-Горбунок» и способы его перевода на немецкий язык, результаты представлены в табличной форме.

Ключевые слова: русский язык, просторечие, перевод, немецкий язык, фольклор, русская литература, романтизм, А. С. Пушкин, П. П. Ершов, «Конек-Горбунок», сказка, «слышь», поэтика, художественный образ, литературный язык.

Информация об авторах:

Салтанат Жолдасбековна Макашева — доктор филологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, ул. Луначарского, д. 2, 625001 г. Тюмень, Россия. E-mail: makascheva@mail.ru

Евгения Борисовна Еренчинова — аспирант, старший преподаватель, Тюменский индустриальный университет, ул. Луначарского, д. 2, 625001 г. Тюмень, Россия. E-mail: deutsche2011@mail.ru

Дата поступления статьи: 09.04.2018

Дата публикации: 28.03.2019

Для цитирования: Макашева С. Ж., Еренчинова Е. Б. К проблеме перевода просторечия «слышь» сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок» на немецкий язык // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 156–167.

Просторечие — коммуникативно значимый феномен общенационального живого русского языка, отражающий самобытные особенности образа мышления, мировосприятия и культуры его носителя — русского народа. По верному замечанию Ф. П. Филина, споры лингвистов о ненормативном характере просторечия, не позволяющем включить его в состав литературного языка основаны на следующем недоразумении: «Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает» [16, с. 10]. Общепринятая, в отличие от жаргонизмов и диалектизмов, сущность просторечия позволяет авторам художественных произведений использовать его как одно из стилистических, изобразительно-выразительных средств русского литературного языка для отражения особенностей, характеризующих речь персонажей.

Просторечию, как разновидности общенационального языка, немало способствовавшему его развитию, посвящено фундаментальное диссертационное исследование К. А. Войловой. В ее работе выделены пять этапов истории развития просторечия:

- 1 X – начало XI вв. — период койне, под просторечием понимают общую, социально маркированную речь наддиалектного характера в Киевском и Московском государствах.
- 2 XVII–XVIII вв. — просторечие — совокупность живых форм языка как корреляция для книжной, письменной речи, включающая в себя все формы живой речи: простую речь, простонародную речь, единицы жаргонов и арго, единицы специальной речи, диалектизмы.
- 3 Первая половина XIX в. — к просторечию относят простую разговорную речь и совокупность единиц простонародной речи.
- 4 Вторая половина XIX в. — этап становления просторечия как стилистически маркированной разновидности русского языка.
- 5 XX в. — период собственно просторечия как исторически сложившейся речевой системы, суверенной разновидности общенационального русского языка и универсальной стилистической категории русского литературного языка [1, с. 7–8].

По наблюдению К. А. Войловой, просторечие, в особенности во второй половине XIX в., способствовало становлению новых изобразительно-выразительных средств, стилей, лексических возможностей литературного языка, но, пожалуй, самое главное заключалось в том, что простая речь инициировала появление новой стилистической категории: русской разговорной речи. Новая единица русского общенационального языка — разговорная речь стала последней промежуточной ступенью в движении живых форм единиц речи от периферии к центру, к нормированному русскому литературному языку. Вплоть до середины XIX в. функцию разговорной речи как коммуникативной формы общенационального языка выполняла простая речь [1, с. 19].

Подтверждение этому находится и в словаре В. И. Даля, в котором просторечие описано как «простой, простонародный говор, язык», где «простонародный говор»

в его интенции — это категория устной речи, одновременно простонародной и разговорной [3, с. 514]. Как справедливо замечает К. А. Войлова, дать терминологическое определение такому живому динамичному явлению, как просторечие, довольно сложно. В языкознании есть несколько устоявшихся известных определений, характеризующих его особенности и функции, позволяющих использовать разные подходы в изучении просторечий, как разновидности общенационального языка, стилистической категории художественного или публицистического произведения, речевого факта сниженного характера, которым занимается лексикология. Обобщая все эти подходы, К. А. Войлова заключает: «Исходя из всего сказанного, *просторечие* — социально обусловленная разновидность общенационального языка, использующаяся в языке художественной литературы с целью сообщения ему таких качеств, как выразительность, экспрессивность и оценочность, а в разговорной речи — для придания ей грубой или фамильярной окрашенности» [1, с. 16]. При этом следует отметить, что в лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой просторечие рассматривается еще и как коммуникативно значимая для всех носителей языка самобытная речевая сфера национального языка [9, с. 402].

Именно это, наряду с вышеперечисленными, понимание просторечия как самобытной сферы общенародного языка дает возможность понять подлинную причину пристального внимания выдающихся русских писателей к этой разновидности живой речи. Благодаря экспрессии просторечия были созданы яркие национальные образы героев произведений А. Пушкина, П. Ершова, М. Шолохова, Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Распутина.

Для русской литературы XIX в. просторечие стало уникальной находкой, способствуя формированию художественно-стилевых приемов, отвечающих эстетическим требованиям реализма и романтизма. Как социально-обусловленная разновидность национального языка просторечие позволило реализму создавать разнообразие типов народных характеров. Речь героев повестей А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя была не стилизованной, а, благодаря просторечию, живой и выразительной, создающей неповторимые образы людей из народа. Просторечие питало художественную литературу пушкинского периода, но это был не односторонний процесс, просторечия нейтральной окраски переходили позже в разряд разговорной речи, тем самым способствуя становлению русской литературной речи.

Не менее важной была роль просторечия в развитии русского романтизма. Как известно, специфической особенностью поэтики романтизма является обращение к фольклору как к базисной основе национальной культуры, подлинному языку народа, выражающему его самосознание и культурно-исторические традиции. Благодаря именно этой особенности в эпоху романтизма расцветает жанр литературной сказки, которая в своей структуре использует образы, мотивы и в целом поэтический язык фольклора, по преимуществу разговорный, для того чтобы интонационно выразить повествовательно-сказовую манеру, свойственную для устного народного творчества. Как выше упоминалось, в период XIX в. просторечие выполняло функции разговорной речи, отсюда повышенный интерес к нему писателей. Просторечие стало основным художественно-стилевым приемом одного из ведущих жанров романтизма — русской литературной сказки, которая, в соответствии с эстетическими канонами романтиков, должна была опираться на национальные традиции.

Ярким подтверждением этому является сказка П. П. Ершова «Конек-Горбунок», где фольклорные образы и мотивы переосмыслены в свете романтической оппозиции: «видимое – подлинное». Смешной Конек-Горбунок (видимое) является в действительности мифологическим крылатым конем (подлинное), что собственно и определяет, по наблюдению В. Н. Евсеева, судьбу Ивана в его движении к, казалось бы, недостижимому (идеалу) [4, с. 103]. Романтический стиль произведения выдержан и композиционно: «Волшебно-сказочный хронотоп литературной сказки разворачивается по вертикали, его очертания формируют романтическое мировидение, свойственное литературной эпохе 1830-х гг., и православное мироотношение автора» [5, с. 88]. На лексическом уровне в «Коньке-Горбунке» был продемонстрирован широкий спектр художественно-стилевых возможностей просторечия, позволяющих автору сказки выразить особенности народной смеховой культуры, создать емкий эмоционально-смысловой образ, выдержать свойственную фольклору повествовательно-сказовую интонацию.

Просторечия сказки способствуют не только созданию характеров героев, ассоциирующихся с фольклором, но и передают тончайшие смысловые и экспрессивные нюансы русского языка. Это обстоятельство становится очевидным, при изучении способов перевода просторечий в сказке «Конек-Горбунок» на немецкий язык.

Имеется несколько вариантов переводов «Конька-Горбунка» на немецкий язык, первый из них был сделан Эгоном Штрассбургером в 1922 г., несколько позже, в 1953 г., появился перевод Мартина Ремане, считавшийся классическим, поэтому переиздававшийся в Германии несколько раз. В 2014 г. был издан «Конек-Горбунок» в переводе Грэгора фон Глазенаппа, который привлек наше внимание по нескольким причинам: во-первых, это последнее издание на немецком языке сказки П. П. Ершова, во-вторых, перевод является вольным, так как он не отражает опирающуюся на национальную картину мира русского фольклора и романтизм поэтику оригинала сказки, более того, система образов и мотивов переосмыслена в соответствии с немецкими реалиями. Последнее обстоятельство представляется особенно интересным в плане поиска переводчиком альтернативной замены просторечию, которое является специфической особенностью русского языка.

Грэгор фон Глазенапп ориентировался на перевод, целью которого было найти в отечественной культуре адекватную замену русским национальным реалиям, так героя зовут Гансом (вариант имени Иван), побудительные мотивы и представления традиционной русской культуры заменены на немецкие, поэтому вместо «черной бабки» (игральной кости, приносящей удачу) появляется «поцелуй девушки» как образ более понятный немецкому читателю, для перевода просторечий используется лексика общедоступно-разговорной формы языка Германии (Umgangssprache).

Перевод на немецкий язык национальных реалий, которые являются особенностью сказки П. П. Ершова, — задача достаточно сложная. Процесс перевода предполагает работу с образно-ментальным, семантическим, ритмико-интонационным, синтаксическим и лексическим уровнями текста сказки. Наличие артиклей, модальных, связочных, вспомогательных глаголов в немецком языке утяжеляет фразу, тем самым подчас не позволяя передать экспрессию ритмико-интонационной, синтаксической структуры русской речи. На лексическом уровне наибольшую сложность представляет перевод просторечий в связи с отсутствием в немецком языке аналога, способного передать его эмоционально-оценочный, многозначный характер, определяющий художественно-стилевые особенности произведения.

Изучая немецкие переводы сказки П. П. Ершова, мы обратили внимание, что наибольшую трудность составлял перевод просторечия «слышь», в силу того, что оно имеет множество ассоциативно связанных между собой значений, выражающих экспрессивно-смысловые нюансы движения сюжета сказки. Варианты перевода Грэгора фон Глазенаппа слова «слышь» интересны тем, что они нацелены на поиск функциональной замены, способной одновременно отразить как эмоционально-семантический характер просторечия оригинала сказки, так и традиционные реалии немецкой культуры. Сложность перевода заключается еще и в том, что просторечие «слышь» в сказке «Конек-Горбунок» выражает самые разнообразные значения: слышать, чувствовать, ощущать, иметь в виду, слушаться (подчиняться) и многие другие. Оно имеет стилистическое значение и используется П. П. Ершовым для создания особой синтаксической разговорной конструкции, позволяющей передать экспрессию переживаний и чувств героев в контексте фигур риторического вопроса, обращения или восклицания.

Выборка значений обращения «слышь» из 8 словарей свидетельствует о процессе расширения его употребления, связанного, на наш взгляд, с активным использованием просторечия в живой речи и, как следствие, в художественной литературе в качестве эстетически емкой единицы, способной воспроизвести экспрессию разговорной речи персонажей [2; 7; 10; 11; 12; 13; 14; 16]. Регламент статьи не позволяет нам продемонстрировать все данные из статей, посвященных слову «слышь», мы вынуждены ограничиться статьями, иллюстрирующими очевидность этой динамики: «Толковым словарем живого великорусского языка В. И. Даля и «Словарем современного русского литературного языка» АН СССР 1950–1965 гг.

В словаре В. И. Даля указываются следующие значения слова «Слышь» — познавать чувствами, ощущать, чувствовать, слышать, особенно осязанием, обонянием, вкусом, слухом, но не зрением, также о внутреннем чувстве: «Сердце слышит горе, предвещает. Душа видит, сердце слышит. ...» [2, с. 230–231]. В «Словаре современного русского литературного языка» слово уже выделено в самостоятельную единицу живого русского языка — просторечие, а также зафиксированы ранее не описанные оттенки его значений: помимо указания, что просторечие «слышь» используется для привлечения внимания к чьим-либо словам, звукам, к собеседнику в значении «послушай-ка», оно употребляется при разъяснении чего-либо в знач.: «видишь ли, знаешь ли» [11, с. 653].

Примечательно, что в сказке «Конек Горбунок» наличествуют, зафиксированные словарями, практически все оттенки значений просторечия «слышь», которое используется П. П. Ершовым в качестве вводного обращения 11 раз: в значении привлечения внимания «обрати внимание» — 5 раз; в значении «слушай с особым вниманием» — 2 раза; в значении «подумай» — 1 раз; в значении «имей в виду» — 1 раз; в значении «разъяснения» — 2 раза. Следует отметить, что просторечие подчеркивает эмоционально-экспрессивную, аффективную составляющую фрагментов сказки, выражая спектр самых разнообразных чувств: недоумение, раздражение, браваду, опасение, напряжение, иронию, обиду.

При переводе просторечия «слышь», которая не имеет грамматического эквивалента в немецком языке, используются трансформации, позволяющие передать смысловое и экспрессивное содержание оригинала. В таблице, приведенной ниже, проведен сравнительно-типологический анализ значений просторечия «слышь» оригинала сказки и аналога его перевода Грегором фон Глазенаппом.

№ п/п	Фрагмент сказки [6] с просторечием	Значение «слышь» в контексте фрагмента сказки	Фрагмент перевода сказки Грегора фон Глазенаппа [17]	Значение фрагмента в контексте перевода сказки
1	Уж таскал же он, таскал, // Чуть башки мне не сломал, // Но и я ведь сам не промах, // Слышь , держал его как в жомах [6, с. 20].	Употребляется в значении привлечения внимания, буквально «обрати внимание». Герой бравирует своей победой над чертом.	Als er dann im Sprang mich trug, // Fast den Schaedel mir zerschlug, // Presst ich ihn — ihr kennt mich alle — // Wie in einer Marderfalle [17, с. 21].	Для передачи разговорной ситуации используется глагол со значением « знать » — kennen . Данная реплика вводится в текст как приложение, выделенное тире с обеих сторон, для привлечения внимания читателя. Перевод эквиваленте так как сохраняет референтную и эмотивную функции.
2	Я, слышь , слов-то не померил, // Да чертенку и поверил» [6, с. 20].	Употребляется в качестве разъяснения сложившейся ситуации.	Also gab ich endlich nach, // Weil der Teufel es versprach [17, с. 21].	Используется союзное наречие цели и причины — also (таким образом) в значении подведения итога, т. е. известно, что черту верить нельзя, но Иван ему все же поверил и отпустил его, отвлекая братьев от дальнейших расспросов. Референтная функция сохранена. Перевод можно считать эквивалентным.
3	«Двух коней, коль хошь, продай, // Но конька не отдавай // Ни за пояс, ни за шапку, // Ни за черную, слышь , бабку. // На земле и под землей // Он товарищ будет твой; // Он зимой тебя согреет, // Летом холодом обвеет, // В голод хлебом угостит, // В жажду медом напоит» [6, с. 18].	Употребляется в значении слушать с особым вниманием. В народе «черная бабка», это игральная кость, которая приносит удачу. Волшебная кобылица объясняет Ивану не материальную, а духовную ценность Конька — Горбунка.	«Jene zwei verkaufe sie, // Doch das kleine Pferdchen nie; // Nicht fuer Aepfel, nicht fuer Nuesse, // Hoerst du! Noch fuer Maedchen kuesse. // Auf der Erde und unter ihr // Bleibt es als dein Friend bei dir:// Waermt im Winter deinen Ruecken, // Faehelt Sommers weg die Muecken, // Und im Hunger wie im Durst // Labt es dich mit Meth und Wurst» [17, с. 18].	В переводе берется нейтральный глагол « hoeren » (слышать), усиленный риторическим восклицанием « Hoerst du! » в качестве привлечения внимания читателя. В переводе используется риторическое восклицание для усиления экспрессии текста. Учитывая, что понятие «черная бабка» отсутствует в немецком фольклоре, переводчик заменяет его на реалию сравнимую по ценности для немецкого читателя: поцелуй девушки. Приближенный перевод.
4	Царь кричит на весь базар: // «Ахти, батюшки, пожар! // Эй, решеточных сзывайте! // Заливайте! Заливайте!» // «Это, слышь ты, не пожар, // Это свет от птицы-жар» [6, с. 78].	Употребляется в качестве разъяснения, объяснения сложившейся ситуации в значении «видишь ты». В контексте сказки выражает иронию.	Und der Koenig ruft durch's Hans: // «Feuerschaden! Loescht doch aus! // Seht ihr nicht die Funken blitzen? // Holt die Splitzen, holt die Splitzen, — // — «Feuerbrunst ist das doch nicht; // Schau! Vom Greifen kommt das Licht» [17, с. 76].	Используется частица « doch » (же, ведь) для передачи разговорной ситуации. Глагол Schau! (посмотри) является глаголом разговорной речи и используется в императивной форме. В данном фрагменте перевода отсутствует ирония. Приближенный перевод.

5	«...Прикажи сейчас хоть в палки, — // Нет пера, да и шабалки!...» // «Отвечай же! Запору!...» // «Я те толком говорю: // Нет пера! Да, слышь, откуда // Мне достать такое чудо?» [6, с. 66].	Употребляется в значении «понимаешь ты». Просторечие подчеркивает экспрессию отрицания.	«...Mein`twegen: steck` mich ein; // Lass zerpruegeln mir das Leder! // Basta, `s gibt mal keine Feder.» // «Her damit! Sonst geht dir`s schlecht!» // Nein, im Ernst, versteh` mich recht: // Wer wird mir denn, kannst du denken , // Solche Wunderfedern schenken? [17, с. 64].	В переводе используется связка « kannst du denken » (можешь ты понять, подумать). Данная связка используется в разговорной речи (Umgangssprache), придает эмоциональную окраску высказыванию, в предложении выделяется запятыми для привлечения внимания читателя. Лексико-семантическая замена.
6	«Втихомолку примечай, // Да, смотри же, не зевай. // До восхода, слышь, зарницы // Прилетят сюда жар-птицы // И начнут пшено клевать // Да по-своему кричать» [6, с. 74].	Употребляется для выражения необходимости в собранности и внимательности, в значении «имей в виду».	«...Mauschestill dort auf der Wacht; // Schlafe nicht! Nimm` dich in Acht. // Eh` das Morgenrot erglommen, // Werden, sag` ich , Greife kommen, // Um zu picken Korn und Wein // Und auf ihre Art zu schrei`n [17, с. 71].	Используется замена на междометие Eh (эх) в значении «вон рассвет, имей в виду», добавление в предложение «sag's ich» передает интонацию разговорной речи (Umgangssprache). Ситуативная модель перевода.
7	Пал Иван коньку на шею, // Обнимал и целовал. // «Ох, беда, конек! — сказал. — // Царь велит в свою светлицу // Мне достать, слышь, царь-девицу. // Что мне делать, Горбунок?» [6, с. 88].	Употребляется для выражения жалобы Ивана на свою горестную судьбу, в значении ощутить беду, нависшую над Иваном.	Hans umfing es mit dem Arme, // Kuesste es und weinte still, // Sprach: «O weh! Der Koenig will // Dass ich Wunderhold lebendig // In sein Schloss bring` eigenhaendig . // Pferdchen ach! Was soll ich tun?» [17, с. 84].	Используется синтаксическая замена с помощью придаточного предложения с союзом dass (чтобы), который выражает косвенную речь царя. Добавляется слово <i>eigenhaendig</i> (собственноручно). Экспрессия сохраняется, благодаря использованию риторических обращения и вопроса. Используется способ компенсации.
8	Вот Иван к царю явился, // Царь к нему оборотился // И сказал ему: «Иван! // Поезжай на окиян; // В окияне том хранится // Перстень, слышь ты, царь-девицы...» [6, с. 101].	Употребляется в значении слушать с особым вниманием, стараюсь понять серьезность и важность царского поручения. Подчеркивает властное выражение приказа.	Als der Hans vor ihn getreten, // Hat der Koenig ihn gebeten: // «Haenschen, reit mal hin und bring` // Aus dem Meeresgrung den Ring, // Den verloren diese Dame, // Wunderhold ist ja ihr Name» [17, с. 96].	Перевод текста не соответствует содержанию оригинала. Повелительная интонация текста заменена на уменьшительно-ласкательную с помощью суффикса <i>-chen</i> . Единица несоответствия.
9	«Что, здорова ли она? // Не грустна ли, не больна?» // «Всем бы, кажется, красотка, // Да у ней, кажись, сухотка: // Ну, как спичка, слышь, тонка, // Чай в обхват-то три вершка» [6, с. 118].	Употребляется в значении «видишь ли», выражает чувство беспокойности состоянием здоровья царь-девицы.	«Sonst nicht uebel, doch den Weibe // Steckt die Schwindsucht, scheint`s, im Leibe: // Duerr wie`n Zuendholz; dabei wohl // Um die Taille kaum sechs Zoll [17, с. 115].	Используется наречие с частицей « dabei wohl » (к тому же видимо) для усиления передачи предположения, высказанного в связи со здоровьем царь-девицы. Лексико-семантическая замена.

10	«Вот как-замуж-то поспеет, // Так небось и потолстеет:// Царь, слышь , женится на ней». // Месяц вскрикнул: «Ах, злодей! [6, с. 119].	Употребляется для привлечения внимания собеседника в значении: послушай-ка.	Wenn sie heiratet, dann eben // Denk' ich, wird sich so was geben; // Da der Fuerst sie ehelicht. // Doch der Mond ruft: «Dieser Wicht!» [17, с. 115].	Используется замена на наречие « da » (тогда, в это (то) время) для уточнения передачи информации, в данном случае предположения. Это наречие распространено в разговорной речи для эмоциональной окраски. Лексико-семантическая замена.
11	«Сам подумай! Заставляет, // Искупается мне в котлах, // в молоке и двух водах: // Как в одной воде студеной, // А в другой воде вареной, // Молоко, слышь , кипятю» [6, с. 146].	Употребляется для привлечения внимания собеседника к угрожающей его жизни ситуации.	«Denke selbst: Er laesst mich zwingen, // Dass ich bad' in Kesseln drei'n, // Einer Mich und Waessern zwei'n; // Kalt im ersten, heiss im zweiten // Wird man Wasser zubereiten // Milch, die — hoerst du — sieden soll!» [17, с. 142].	В переводе берется глагол «hoegen» — «слышать», в предложении как приложение, выделенное типе, имеет пояснительный характер « hoerst du » (ты слышишь) в качестве привлечения внимания читателя.

Таким образом, проведя анализ значений просторечия «слышь» во всех фрагментах перевода сказки можно сделать вывод, что в 7 случаях из 11 (1, 2, 3, 4, 6, 9, 11 Грегор фон Глазенапп, используя переводческие трансформации передал смысл событий, происходящих в сказке, однако не сумел воссоздать особенности поэтики П. П. Ершова, в частности иронию, понижающую содержание произведения, особенно это заметно на примере четвертого, пятого и восьмого фрагментов текста. В третьем фрагменте функциональная замена образов приводит к искажению замысла П. П. Ершова, который, следуя романтической традиции, воспроизводит смысл подлинных и мнимых ценностей, семантически емкий образ «черной бабки», символизирующий материальный мир, не совсем тождествен «поцелую девушки». Просторечие «слышь» в контексте сказки является изобразительно-выразительным средством, характеризующим речь героев, но, пожалуй, самая главная его функция заключается в том, что оно, словно эмоционально-оценочный маркер, проясняет смысл той или иной ситуации. Грегор фон Глазенапп для перевода просторечия «слышь» использует нейтральную лексику, которая слабо передает экспрессию постоянно меняющейся в зависимости от обстоятельств эмоциональной оценки ситуации, в которой оказывается герой сказки.

В 5, 7, 8, и 10 фрагментах перевод несет более экспрессивную окраску, этому способствует лексика немецкой разговорной речи и синтаксические конструкции риторических вопроса, восклицания и обращения, воспроизводящие ритм живой устной речи, предпринята попытка передать эмоционально-оценочный характер просторечий. Примечательно то, что переводчик в большинстве случаев совершенно точно передавал имплицитное содержание просторечия «слышь», у которого в зависимости от контекста были разные смыслы. В заключение следует также отметить, что способы перевода просторечий, указанные в таблице, свидетельствуют о многообразии средств передачи экспрессивно-семантического содержания лексики оригинального текста, благодаря которым можно перевести самые сложные единицы национальной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Войлова К. А.* Судьба просторечия в русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2000. 40 с.

- 2 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 230–231.
- 3 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 3. С. 514.
- 4 *Евсеев В. Н.* Романтические и театральные-площадные традиции в «Коньке-Горбунке» П. П. Ершова // Русская сказка: межвузовский сб. / под ред. В. И. Кодухова. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 1995. С. 95–115.
- 5 *Евсеев В. Н., Макашева С. Ж.* Фольклорный вариант «Конька-Горбунка» П. П. Ершова на родине автора литературной сказки // Вестник ЧГПУ. 2015. № 4. С. 86–94.
- 6 *Ершов П. П.* Конек Горбунок. М.: Экспо, 2015. 160 с.
- 7 Картоотека Словаря русских народных говоров. М.: Наука, 2004. Вып. 38. С. 325–326.
- 8 *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- 9 Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 402.
- 10 *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. С. 539.
- 11 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, АН СССР, 1962. Т. 13. С. 1310.
- 12 Словарь Академии Российской. СПб: Изд-во Императорской АН, 1794. Ч. 5. С. 284.
- 13 Словарь русских народных говоров: в 30 т. / под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 33. С. 320–321; 325–326.
- 14 Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4. С. 383.
- 15 *Филин Ф. П.* О Структуре современного русского литературного языка. Вопросы языкознания. М.: Наука, 1973. №2. С. 10.
- 16 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. С. 678–679.
- 17 *Jerschow P.* Das Hockerpferd. СПб.: Медный Всадник, 2014. 160 с.
- 18 Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin: Langenscheidt, 1997. S. 492–493.

© 2019. Saltanat Dz. Makasheva
Tjumen, Russia

© 2019. Evgeniia B. Erenchinova
Tjumen, Russia

**DIFFICULTIES IN TRANSLATING COLLOQUIALISM “LOOK HERE”
FROM THE FAIRY TALE OF P. P. YERSHOV “THE LITTLE
HUMPBACKED HORSE” INTO GERMAN LANGUAGE**

Abstract: The paper deals with the study of Russian popular speech and explores semantic meanings and translation of the colloquialisms into German language, namely the colloquialism “look here” from the fairy tale of P. P. Yershov “The little Humpbacked Horse”. The study involves various approaches to understanding colloquial speech as a national phenomenon of the living Russian language, as well as the historical dynamics of colloquial speech evolution from the set of forms of oral speech to the stylistic category of the literary language. In this context, the authors look at the special role of colloquialisms in forming artistic and stylistic devices of romanticism and realism of Russian literature of the 19th century. The colloquialism as a socially-conditioned variety of the national language enabled realism to create a variety of folk character-types. The role of colloquialisms in developing Russian literary fairy tale poetics was equally important. It is one of the leading genres of romanticism drawing upon folklore — the basis of the national culture. The colloquialisms contribute not only to creation of folk characters, but also convey the finest semantic and expressive nuances of the Russian language. This fact becomes apparent when studying the ways of translation of the colloquialism “look here” from the fairy tale of P. P. Yershov “The little Humpbacked Horse” into German language. The paper analyzes the semantic, expressive-evaluative and figurative-expressive levels of the colloquialism “look hear” in the fairy tale “The little Humpbacked Horse” and the ways of its translation into German language. The results of the study are given in tables.

Keywords: Russian language, colloquialism, translation, German language, folklore, Russian literature, romanticism, A. S. Pushkin, P. P. Yershov, “Humpbacked Horse”, fairy tale, “look hear”, poetics, artistic image, literary language.

Information about authors:

Saltanat Dz. Makasheva — DSc in Philology, Professor, Industrial University of Tjumen, Lunacharski St. 2, Tjumen, Russia. E-mail: makasheva@mail.ru

Evgeniia B. Erenchinova — Postgraduate Student, Senior Lecturer, Industrial University of Tjumen, Lunacharski St. 2, Tjumen, Russia. E-mail: deutsche2011@mail.ru

Received: April 09, 2018

Date of publication: March 28, 2019

For citation: Makasheva S. Dz., Erenchinova E. B. Difficults in translating colloquialism “look here” from the fairy tale of P. P. Yershov “The little humpbacked horse” into German language. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 51, pp. 156–167. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Voilova K. A. *Sud'ba prostorechiia v russkom iazyke* [The fate of vernacular in the Russian language: PhD thesis, summary]. Moscow, 2000. 40 p. (In Russian)
- 2 Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg, Moscow, Izdaniye knigoprodavtsa-tipografa M. O. Volfa Publ., 1882, vol. 4, pp. 230–231. (In Russian)
- 3 Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.] St. Petersburg, Moscow, Izdaniye knigoprodavtsa-tipografa M. O. Volfa Publ., 1882, vol. 3, p. 514. (In Russian)
- 4 Evseev V. N. Romanticheskie i teatral'no-ploshchadnye traditsii v “Kon'ke-Gorbunke” P. P. Ershova [Romantic and theatrical folk pageant traditions in p. p. Ershov's “The little Humpbacked horse”]. *Russkaia skazka: mezhvuzovskii sbornik* [Russian fairy tale: interuniversity collection], edited by V. I. Kodukhova. Ishim, Izdatel'stvo IGPI im. P. P. Ershova Publ., 1995, pp. 95–115. (In Russian)
- 5 Evseev V. N., Makasheva S. Zh. Fol'klornyi variant “Kon'ka-Gorbunka” P. P. Ershova na rodine avtora literaturnoi skazki [Folklore version of P. P. Ershov's “The little Humpbacked horse” in the homeland of the literary fairy tale's author]. *Vestnik ChGPU*, 2015, no 4, pp. 86–94. (In Russian)
- 6 Ershov P. P. *Konek Gorbunok* [The Little Humpbacked Horse]. Moscow, Ekspo Publ., 2015. 160 p. (In Russian)
- 7 *Kartoteka Slovaria russkikh narodnykh govorov* [Card index of the Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Nauka Publ., 2004, vol. 38, pp. 325–326. (In Russian)
- 8 Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie* [Modern translation studies. Textbook]. Moscow, ETS Publ., 2002. 424 p. (In Russian)
- 9 *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990, p. 402. (In Russian)
- 10 Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, p.539. (In Russian)
- 11 *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka, AN SSSR Publ., 1962, vol. 13, p. 1310. (In Russian)
- 12 *Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary Of The Russian Academy]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoy AN Publ., 1794, part 5, p. 284. (In Russian)
- 13 *Slovar' russkikh narodnykh govorov: v 30 vyp.* [Dictionary of Russian folk dialects: in 30 vols.], edited by F. P. Filina. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, vol. 33, pp. 320–321; 325–326. (In Russian)
- 14 *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vols.], edited by D. N. Ushakova Moscow, OGIZ Publ., 1935–1940, vol. 4, p. 383. (In Russian)
- 15 Filin F. P. O Struktire sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka [On the Structure of the modern Russian literary language]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Questions of linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1973, no 2, p. 10. (In Russian)
- 16 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1971, pp. 678–679. (In German)

- 17 Jerschow P. *Das Hoeckerpferd* [The little humpbacked Horse]. St. Petersburg, Mednyi Vsadnik Publ., 2014. 160 p. (In German)
- 18 *Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache* [Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache (German as a foreign language)]. Berlin, Langenscheidt Publ., 1997, pp. 492–493. (In German)